

УДК 323.1:354

**Коммуникативное измерение
внутрирегиональных пространств России
(по материалам экспертного опроса)**

Солдатова Анна Сергеевна

Аспирант,

кафедра всеобщей истории и мирового политического процесса,
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва,
430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, Саранск,
ул. Большевистская, 68;
e-mail: anasoldatova@mail.ru

Ширманов Евгений Владимирович

Аспирант,

кафедра всеобщей истории и мирового политического процесса,
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва,
430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, Саранск,
ул. Большевистская, 68;
e-mail: ev-gen.shirmanov@mail.ru

Аннотация

В статье представлены результаты экспертного опроса в рамках исследовательского проекта «Внутрирегиональное пространство: коммуникативное измерение территориального развития современной России». Авторами освещен широкий спектр вопросов, затрагивающих гражданское участие в регионе, участников сферы политико-публичных отношений регионального пространства, форматы и регуляторы функционирования

региональных сообществ, сетевой платформы политических коммуникаций внутрирегионального пространства, территориальное развитие в России в целом. Рассмотрены стейкхолдеры регионального развития России, выделены и проанализированы факторы формирования и развития сетевой платформы их политических коммуникаций. Сделан вывод, что основные факторы развития коммуникативной сферы регионов на уровне системы территориального управления заключаются в качестве механизма «обратных связей», а также в развитии демократических принципов принятия решений и переговорных практик.

Для цитирования в научных исследованиях

Солдатова А.С., Ширманов Е.В. Коммуникативное измерение внутрирегиональных пространств России (по материалам экспертного опроса) // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 1. С. 172-189.

Ключевые слова

Регион, территориальное управление, региональное развитие, политические механизмы, коммуникации, политическая сеть.

Введение

Российские политологи в большинстве своем сходятся во мнении, что многие проблемы российского государства связаны с неразвитостью, дефективностью структур гражданского общества [Фадеева, 2012]. Очевидно, что совершенствование политической системы России требует активного включения всех составляющих элементов политического процесса. В настоящее время сложилось понимание того, что для решения подобной задачи необходима активизация потенциала регионов и их так называемых «средств коммуникаций» (подробнее см.: [Лейпхарт, 1997]), которые обнаруживаются, если внутрирегиональное пространство рассматривать как сложноструктурированное явление с поливариативным и неповторимым сетевым дизайном участников, регулируемое коммуникативными [Дзякович, 2010], а не нормативными установками.

Программа проведения экспертного опроса

С целью фрагментации и детализации внутрирегионального пространства, изучения факторов, определяющих конфигурацию региональных сетевых сообществ, условий сетеобразования (или формирования «сетевого ландшафта» (подробнее см.: [Мирошниченко, 2013])) в российских регионах, в рамках исследовательского проекта «Внутрирегиональное пространство: коммуникативное измерение территориального развития современной России» была разработана программа проведения экспертного опроса «Участники сферы политико-публичных отношений регионального пространства России» (выполнен при финансовой поддержке РГНФ № 14-53-00019/14).

Экспертами в проводимом исследовании выступили ведущие специалисты в сфере регионального развития современного российского государства. Среди них – представители научного сообщества, общественных организаций и аналитических структур. В частности, это высшие учебные заведения России (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Казанский технологический университет, Сыктывкарский государственный университет, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, Пермский государственный университет, Саратовский государственный социально-экономический университет, Волгоградский государственный университет, Высшая школа экономики), Российской академии наук (Пермский филиал Института философии и права УрО РАН, Институт экономических исследований ДВО РАН, Институт социологии РАН), а также представители Общественной палаты Республики Мордовия, Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия. Общественные организации были представлены РОО «Агентство волонтерской службы «Пиэкас», Ярославской РОО «Центр социального партнерства», АНО Центр науки, аналитики, образовательных и социальных технологий «Научный ресурс», Мордовской республиканской общественной организации татарских женщин «Чулпан» («Утренняя звезда»). В целом в опросе приняли участие эксперты из 12 городов: Абакана, Владикавказа, Волгограда, Казани, Москвы, Перми, Саранска, Саратова, Сыктывкара, Тюмени, Хабаровска, Ярославля.

Вопросы в анкете были поделены и отнесены к следующим тематическим блокам: «гражданское участие в регионе», «участники сферы политико-публичных отношений регионального пространства», «факторы формирования и развития сетевой платформы политических коммуникаций внутрирегионального пространства», «форматы и регуляторы функционирования региональных сообществ», «общая оценка системы территориального развития России». Рассмотрим первые три блока из них. В соответствии с полученными в ходе исследования результатами целесообразно перечислить выявленные тенденции, которые отражают реальные явления и процессы внутрирегиональных пространств современной России.

Гражданское участие в регионе

Изучение и анализ понятия «политико-публичная сфера в регионе» наиболее уместны при условии ее рассмотрения в аспекте гражданской самоорганизации. Оценка экспертов уровня гражданской самоорганизации в российских регионах, индикатором которой являются ответы на вопрос «Оцените в целом уровень гражданской самоорганизации в российских регионах», показала, что ответы практически всех экспертов находились в зоне ниже среднего. Вместе они составляют 88,9%. Примечательно, что отсутствуют наивысшие оценки, а минимальные составляют 13% от общего числа.

Распределение оценок по годам выявило, что наиболее высоко уровень гражданской самоорганизации был оценен в период 2008–2012 гг. В зоне «высоких» оценок оказались 31,5% ответов экспертов. Наибольшее количество «низких» оценок получил период 2004–2008 гг. Современное состояние проблемы (2012–2014 гг.) было оценено сравнительно низко. 17,6% экспертов указали, что гражданская самоорганизация в российских регионах находится на минимальном уровне. «Средние» оценки составили 41%. И всего 11,7% экспертов оценили ее выше среднего. Таким образом, наиболее высокий уровень отмечен в период 2008–2012 гг., в зоне «средних» оценок – периоды 2000–2004 гг. и 2012–2014 гг. [Солдатова, 2015, www].

Закономерность прослеживалась в ответах экспертов на последующие вопросы. Для большинства опрошенных (47,3%) политико-публичная сфера реги-

онов России «представлена ограниченным кругом наиболее представительных и влиятельных участников из региональных сообществ». Второй по популярности ответ демонстрирует зависимость сферы от доминирующего властного актора региона. Им может выступать сам глава региона, команда губернатора, региональная властная элита. Доля подобных ответов составила 31,6%.

Примечательно, что вариант «представляет собой дискуссионную площадку для различных мнений разнообразных заинтересованных участников» не выбирался участниками. По одному эксперту указали, что политико-публичная сфера региона «развивается, но не по демократическим принципам», «существует, но обсуждаемые вопросы в основном состоят из событий и мероприятий, связанных с государственной/региональной властью», «существует, но обсуждаются уже принятые решения, поэтому носит только формальный характер», «нормальная политико-публичная сфера практически отсутствует».

Полученные данные подтверждают и тот факт, что политико-публичная сфера современной России приобрела характер непрозрачного и нестабильного института на внутрирегиональной арене, и тезис О.Ю. Малиновой о том, что значительно сокращается число площадок, на которых могут публично обсуждаться и оспариваться альтернативные политические проекты, хотя одновременно и создаются дополнительные арены для «репрезентации» общественного мнения [Малинова, 2010]. Хотя нельзя не отметить, что эксперты не отрицают наличия у региональных сообществ возможности функционировать в коммуникативном пространстве политической жизни страны. Таким образом, отметим следующее:

– на современном этапе гражданская самоорганизация в российских регионах находится на минимальном уровне относительно других временных отрезков развития;

– современный этап стал логичным продолжением предыдущего, он характеризуется появлением новой управленческой системы, в которой горизонтальное взаимодействие в регионах инициируется и контролируется из центра;

– политико-публичная сфера современной России приобрела характер непрозрачного и нестабильного института на внутрирегиональной арене;

– политико-публичная сфера регионов России представлена ограниченным кругом наиболее представительных и влиятельных участников региональных сообществ.

Территориальные стейкхолдеры

В системе территориального развития «политика» по определению представляет собой коммуникативно-конгруэнтную комбинаторику – множество сочетаний элементов и отношений между ними. Складывается она из набора коммуникаций акторов, обладающих политическим потенциалом для представительства гражданских интересов, который регулирует доступ социальной аудитории к ресурсам, которые, в свою очередь, технологически распределяются административным способом. Таким образом, само внутрирегиональное пространство образовано разнородными и относительно автономными от единого вектора развития структурами и акторами. Из их общего числа можно выделить наиболее активную часть, обладающую не только различными ролями, но и специфической ответственностью, – территориальные стейкхолдеры (подробнее см.: [Солдатова, 2014]).

Близость в политическом пространстве автоматически не ведет к кооперативным взаимодействиям, к созданию устойчивых политических коалиций, способных к активным действиям. Эта близость создает лишь условия для политической консолидации, поэтому значение таких групп заключается не в актуализированных формах активности, а в их потенциале, который может быть мобилизован в конкретной ситуации (подробнее см.: [Пушкарева, 2012]).

Стейкхолдеры могут быть типологизированы по сфере проявления своей деятельности: хозяйственные, экономические, социальные, политические, этнокультурные и иные. Взаимодействие и партнерское объединение стейкхолдеров регионального развития могут приводить к формированию региональных сообществ. В зависимости от сферы деятельности проявляется функциональная обусловленность стейкхолдеров и региональных сообществ. Каждый регион представляется уникальной по определению территорией с персонифицированными акторами [Туровский, 2009].

Проанализировав представленные в региональных пространствах структуры гражданского общества, выделим следующие: национальные общественные организации; федерации профсоюзов регионов; бизнес-ассоциации; правозащитные НКО; ветеранские и патриотические организации; женские движения и общественная деятельность по поддержке семьи, материнства и детства; сообщества социально активной молодежи; религиозные организации; НКО, связанные с развитием спорта; творческие союзы и профессиональные объединения; благотворительные организации; общественные организации, связанные с природоохранной деятельностью; общественные организации, связанные с охраной правопорядка и безопасности; региональные представительства политических партий; научные сообщества, отдельные ученые, вузы; отдельные политики; отдельные граждане; региональные СМИ; Интернет-сообщества и пр.

В проведенном опросе экспертам было предложено выделить из данных структур наиболее активных участников в структуре политико-публичных отношений региональных пространств современной России. По итогам опроса оказалось, что наиболее существенная доля опрошенных указала варианты ответа «бизнес-ассоциации» (14,9%) и «Интернет-сообщества» (9,9%), по 9% получили «национальные общественные организации», «региональные представительства политических партий», «отдельные политики».

Оставшиеся ответы распределились между следующими предложенными вариантами: ветеранские и патриотические организации (7,9%), религиозные организации (6,9%), научные сообщества (5,9%), правозащитные НКО (5%), региональные СМИ (5%), отдельные граждане (5%). Только по 4% экспертов отметили сообщества социально активной молодежи и НКО, связанные с развитием спорта.

Наименьшее количество выборов оказалось у общественных организаций, связанных с природоохранной деятельностью, охраной правопорядка и безопасности, федераций профсоюзов регионов, женских движений и общественной деятельности по поддержке семьи, материнства и детства (по 0,9% по каждой позиции).

Ни один эксперт не выбрал ответы «творческие союзы и профессиональные объединения» и «благотворительные организации». Это может свидетель-

ствовать, например, только об узкой неполитической направленности деятельности подобных структур.

Такое распределение участников внутрирегионального пространства связано, на наш взгляд, со многими факторами, в соответствии с которыми эксперты оценивали их активность. Это может быть и достаточность ресурсов (например, бизнес-ассоциации как участник могли быть выделены именно с этой точки зрения). Интернет-сообщества могли быть оценены только с точки зрения активности и вовлеченности широкого круга общественности и т. д. Примечательно, что опрошенные сравнительно редко выбирали в качестве своих ответов правозащитные НКО и региональные СМИ. Степень их активности оказалась на уровне активности «отдельных граждан» и чуть ниже активности «религиозных организаций» и «научных сообществ». Стоит также указать на низкую оценку «федераций профсоюзов регионов», которая может свидетельствовать и о низком уровне доверия к данной структуре.

Для уточнения причин ранжирования экспертами гражданских структур по степени их активности был проанализирован ряд характеристик, в частности, открытость для гражданского участия, равенство участников, автономия, выражение местных интересов, лояльность к властным структурам, идеологизированность.

По первым трем критериям уверенно лидируют Интернет-сообщества, набрав 100% в положительной зоне ответов. Такой же процент ответов в отрицательной зоне содержат характеристики «лояльность к властным структурам» и «идеологизированность», что, естественно, коррелирует с основными преимуществами данного вида коммуникаций перед остальными. Достаточно усредненные показатели содержит характеристика выражения местных интересов. Выраженность этого показателя составляет 36,8% в зоне «отрицания», а всего 10,5% содержат наивысшую оценку.

Достаточно низко с позиции характеристик открытости для гражданского участия, равенства участников, автономии, выражения местных интересов были оценены профсоюзы как самостоятельная структура публичной политики. С другой стороны, эксперты отметили, что лояльность властным структурам и идеологизированность профсоюзов, наоборот, значительно выражены.

Данные совпадают с полученными ранее по другим вопросам относительно низкого доверия к данному участнику.

Показатели у региональных отделений политических партий и региональных СМИ практически оказались идентичными, за исключением характеристик «идеологизированность» и «выражение местных интересов». Тут у политических партий явный перевес оценок в сторону наибольшей выраженности по первой характеристике (суммарно 47%), тогда как у СМИ преобладают «средние» оценки. Примечательно, что выражение местных интересов свойственно более для СМИ. У политических партий этот показатель в зоне «низких» оценок. Таким образом, автономия и равенство участников, по мнению экспертов, наименее выражены у этих структур, тогда как лояльность к властным структурам, наоборот, присуща.

Что касается бизнес-сообществ, то тут ситуация несколько иная. 68% экспертов посчитали, что данным структурам не свойственна открытость. Чуть меньшая доля ответов (63,1%) свидетельствовала о неравенстве участников. «Средние» показатели – у характеристик «автономия» и «выражение местных интересов». Однако нельзя не заметить, что достаточно выраженной по ответам экспертов оказалась черта «лояльность властным структурам».

Некоммерческий сектор был также проанализирован экспертами. Наиболее выраженными оказались «открытость для гражданского общества» и «выражение местных интересов». В деятельности НКО наименее выражена «идеологизированность».

Интерес исследователей вызвали ответы сразу по двум показателям «автономия» и «лояльность власти». В первом случае 36,8% опрошенных критически оценили выраженность свойства, тогда как во втором случае 63,2% экспертов указали на достаточно высокую лояльность властным структурам со стороны некоммерческого сектора.

Таким образом, функционирование некоммерческого сектора, по-видимому, в России остается точечным, чаще всего – в рамках определенных проектов. Также за российскими НКО все больше закрепляется побочное ролевое наполнение: их можно рассматривать как определенный инструмент политического влияния и экономических манипуляций (вплоть до проведения финансовых

операций по легализации незаконных средств или получения средств грантов из федерального/регионального бюджета). Общественность все чаще начинает относить их к «репрезентативным» и «официально-одобряющим» элементам публичной сферы (подробнее см.: [Семенов, 2010]).

Эксперты не могли не отметить то, что деятельность НКО складывается и реализуется не только усилиями представителей общества, но и властными структурами, отдельными политиками и чиновниками, а также тот факт, что не всегда данная деятельность осуществляется в достаточной мере и является эффективной.

Детальному анализу подверглась способность участников различных сфер политико-публичных отношений влиять на принятие политических решений. С этой целью экспертам был задан следующий вопрос: «Участников какой из сфер политико-публичных отношений российских регионов в целом Вы считаете наиболее влиятельными?»

Большинство опрошенных выбрали ответы «политическая» и «экономическая» (по 33,3%). Также 19% экспертов посчитали, что стейкхолдеры национальной и конфессиональной сфер способны влиять на принятие политических решений. Никто не выбрал такие сферы, как правозащитная и экологическая, а каждая из социальной, спортивной и культурной сфер была выбрана всего лишь 2,4% экспертов.

Подведем итоги, отметив важнейших участников внутрирегионального пространства и важнейшие их характеристики:

– внутрирегиональное пространство образовано множеством разнородных и относительно автономных от единого вектора развития структур и акторов, причем наиболее активными участниками можно назвать только ряд из них: бизнес-ассоциации, Интернет-сообщества, национальные общественные организации, региональные представительства политических партий, отдельных политиков;

– открытость для гражданского участия и равенство участников более характерны для Интернет-сообщества и виртуальных площадок, менее – для бизнес-сообществ и профсоюзов;

– автономия как характерная черта присуща следующим участникам внутрирегионального пространства: некоммерческому сектору, бизнес- и

Интернет-сообществам, не присуща региональным отделениям политических партий, региональным СМИ и профсоюзам;

– наиболее результативно выражать местные интересы способны Интернет-сообщества, региональные СМИ, бизнес-сообщества и НКО; коммуникации затруднены через таких участников регионального пространства, как профсоюзы, политические партии и бизнес-сообщества;

– лояльность властным структурам как характеристика отмечена практически у всех участников публичной политики: профсоюзов, региональных СМИ, региональных отделений политических партий, бизнес-сообществ и некоммерческого сектора; наименьшая выраженность – у Интернет-сообществ;

– наиболее влиятельные (способные влиять на принятие политико-управленческих решений) стейкхолдеры относятся к политической, экономической, национальной сферам;

– отмечается наиболее высокий уровень включенности граждан (членство, участие в мероприятиях, спонсорство, поддержка) в деятельность Интернет-сообществ, некоммерческих организаций, профсоюзов; наблюдается минимальный порог включенности в научные и бизнес-сообщества, региональные СМИ.

Факторы формирования и развития сетевой платформы политических коммуникаций внутрирегионального пространства

В современной России ключевым фактором, определяющим возможность возникновения политических сетей внутри пространства региона и их включение в модернизацию регионального развития, видится федеративная и политическая системы. От качественных условий функционирования политических механизмов зависят дизайн сетевой платформы и возможности реализации политического потенциала региональными сетевыми акторами. Также важен и обратный процесс, о котором говорит Г.М. Заболотная: «Публичное пространство важно также для демократизации самой государственной власти, т. к. предполагает утверждение демократических норм взаимоотношений предста-

вителей власти и граждан, в частности, «приучает» к ответственности «держателей» власти, учит их прислушиваться к мнению граждан» [Заболотная, 2004, 126]. По этим причинам в анкету были включены вопросы, связанные с условиями сетевой региональной платформы в России и наиболее важными факторами, влияющими на ее функционирование и развитие. Первый блок проблематики касался условий внутри региона, влияющих на формирование и нормальное развитие политико-публичной сферы, и в первую очередь, в трактовке Ю.А. Красина, на переговорно-согласительные процессы (подробнее см.: [Красин, 2005]).

По мнению экспертов, в наибольшей степени на сетевой дизайн региона влияют следующие факторы:

- благоприятный региональный/городской политический режим (27,9%);
- наличие большего количества «арен взаимодействия» (подробнее см.: [Панов, 2011]), свободного информационного обмена в регионе в виде независимых СМИ (20,9%);
- наличие конкуренции между различными политическими силами в регионе (18,6%);
- наличие городского образованного среднего класса (11,6%);
- высокий уровень жизни в регионе (7%).

Стоит отметить, что эксперты посчитали малосущественными условиями в развитии сетевой структуры низкий уровень жизни в регионе, наличие национальных и религиозных особенностей или противоречий и исторические и географические особенности регионального развития.

Это прежде всего свидетельствует о «политической» природе условий. Несмотря на то, что российские специалисты отмечают наметившиеся попытки власти пересмотреть формат взаимодействия с оппозицией и рядовыми гражданами на основе большей симметричности интеракций (подробнее см.: [Зайцев, 2014]), для активизации публичной сферы требуется проведение целенаправленных шагов и системных мер государственной и региональной политики. В первую очередь это касается политической среды функционирования (наличие демократических практик взаимодействия и свободы слова).

Также эксперты подчеркнули, что изначально условия для развития гражданских коммуникаций идентичны для всех регионов, сведя к минимуму возможную региональную дифференциацию (например, по экономическому развитию или наличию географических или национальных особенностей).

Среди основных факторов на уровне системы территориального управления были выделены следующие:

- качество механизма «обратных связей» (36,6%);
- развитие демократических принципов принятия решений и переговорных практик (19,5%);
- степень централизации власти (17%).

Объясняется это российскими реалиями. С одной стороны, федеральный центр инициирует разработку и реализацию нормативно-правовой базы, осуществляет прогнозирование и выбор стратегических приоритетов. С другой стороны, он также и определяет правила игры в пространстве региональных возможностей и проблем и наблюдает за их соблюдением. В настоящее время большинство вопросов, связанных с определением приоритетов развития, решаются в одностороннем порядке центром. Среди них чаще всего оказываются вопросы, связанные с политико-правовой сферой. Регионы в результате проводимой политики не могут принимать оптимальные решения с учетом существующих интересов населения, региональных промышленных компаний, бизнеса. Вместе с тем, как справедливо отмечает А.А. Курбет, наблюдается отказ властей от универсальных единых моделей коммуникативных стратегий и переход к более точечным планам коммуникации [Курбет, 2013].

В экспертном опросе варианты «устойчивость властных институтов» и «уровень коррупции» были нечастыми ответами, суммарно набрав 14,6%.

Заключение

Таким образом, выделим важнейшие проблемы сетеобразования в современной России.

1. Наибольшее влияние на сетевой дизайн региона оказывают «политические» факторы (условия): благоприятный региональный/городской политиче-

ский режим, наличие свободного информационного обмена в регионе в виде независимых СМИ и конкуренция между различными политическими силами в регионе.

2. Особенности внутрирегиональной среды (экономическое развитие, наличие географических или национальных особенностей и т. д.) не являются первоочередными в региональном сетевом образовании.

3. Основные факторы развития коммуникативной сферы регионов на уровне системы территориального управления заключаются в качестве механизма «обратных связей», развитии демократических принципов принятия решений и переговорных практик.

Библиография

1. Дзякович Е.В. Коммуникативные пространства российских регионов: состояние и тенденции развития // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. С. 151-156.
2. Заболотная Г.М. Проблема публичной сферы в современной политической теории // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 4. С. 121-127.
3. Зайцев А.В. Институционализация диалога государства и гражданского общества: компаративный анализ. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014. 446 с.
4. Красин Ю.А. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении. М.: Альпина Бизнес Букс. 2005. 358 с.
5. Курбет А.А. Публичная политика в коммуникативном пространстве современной России 1991-2008 гг.: дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2013. 260 с.
6. Лейпхарта А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.
7. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. № 2. С. 90-105.

8. Мирошниченко И.В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. 295 с.
9. Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН, 2011. 230 с.
10. Пушкарева Г.В. Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации // Политические исследования. 2012. № 2. С. 166-176.
11. Семенов А.В. Институционализация публичной сферы в политическом пространстве региона: дис. ... канд. полит. наук. Тюмень, 2010. 252 с.
12. Солдатова А.С. Проблемы коммуникаций участников сферы политико-публичных отношений регионального пространства // Регионология. 2015. № 1. URL: <http://regionsar.ru/node/1348>
13. Солдатова А.С. Стейкхолдеры внутрирегионального пространства в системе территориального управления // Политическая субъектность региональных социумов и элит: динамика, проблемы и перспективы: сборник научных статей по материалам научно-практической конференции. Саратов, 2014. С. 152-156.
14. Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Политические исследования. 2009. № 2. С. 77-95.
15. Фадеева Л.А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М.: Новый хронограф, 2012. 320 с.

The communicative measurement of Russian interregional spaces (based on an expert survey)

Anna S. Soldatova

Postgraduate,

Department of world history and world political process,

Ogarev Mordovia State University,

430005, 68 Bolshevistskaya st., Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation;

e-mail: anasoldatova@mail.ru

Evgenii V. Shirmanov

Postgraduate,

Department of world history and world political process,

Ogarev Mordovia State University,

430005, 68 Bolshevistskaya st., Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation;

e-mail: ev-gen.shirmanov@mail.ru

Abstract

The article provides the results of the expert survey as part of the research project "Interregional space: the communicative measurement of territorial development of modern Russia." The authors present stakeholders of Russia's regional development, and they analyze the factors of formation and development of a network platform for their political communications. Based on the definition of stakeholders as the ones who are the most active, who play a variety of roles and carry specific responsibilities in the society, the article suggests their typology according to the fields of their activity – business, economic, social, political, ethno-cultural, etc. Cooperation and partnership of stakeholders in regional development can lead to the formation of regional communities. The article highlights three important factors of the network formation in modern Russia: political factors (conditions), features of intra-environment (economic development, the availability of geographical or national features, and a mechanism of "feedback" which promotes the development of democratic principles of decision-making and negotiation practices. The article holds that political factors, which include favorable regional/urban political regime, the availability of free information exchange in the region in the form of independent media and the competition between the various regional political forces, play the greatest role in network formation in the region.

For citation

Soldatova A.S., Shirmanov E.V. (2016) Kommunikativnoe izmerenie vnutriregional'nykh prostranstv Rossii (po materialam ekspertnogo oprosa) [The communicative measurement of Russian interregional spaces (based on an expert survey)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 1, pp. 172-189.

Keywords

Region, territorial management, regional development, political mechanisms, communications, political network.

References

1. Dzyakovich E.V. (2010) Kommunikativnye prostranstva rossiiskikh regionov: sostoyanie i tendentsii razvitiya [Communicative space of the Russian regions: state and development trends]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2, pp. 151-156.
2. Fadeeva L.A. (2012) *Kto my? Intelligentsiya v bor'be za identichnost'* [Who are we? The intelligentsia in the struggle for identity]. Moscow: Novyi khronograf Publ.
3. Krasin Yu.A. (2005) *Publichnaya sfera i publichnaya politika v rossiiskom izmerenii* [The public sphere and public policy in the Russian dimension]. Moscow: Al'pina Biznes Buks Publ.
4. Kurbet A.A. (2013) *Publichnaya politika v kommunikativnom prostranstve sovremennoi Rossii 1991-2008 gg. Dokt. Diss.* [Public policy in the communicative space of modern Russia of 1991-2008. Doct. Diss.]. Moscow.
5. Leipkharta A. (1997) *Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh: sravnitel'noe issledovanie* [Democracy in multipartite societies: a comparative study]. Moscow: Aspekt Press Publ.
6. Malinova O.Yu. (2010) *Simvolicheskaya politika i konstruirovaniye makropoliticheskoi identichnosti v postsovetskoj Rossii* [Symbolic policy and designing macro political identity in post-Soviet Russia]. *Polis*, 2, pp. 90-105.
7. Miroshnichenko I.V. (2013) *Setevoi landshaft rossiiskoi publichnoi politiki* [Network landscape of Russian public policy]. Krasnodar: Prosveshchenie-Yug Publ.
8. Panov P.V. (2011) *Instituty, identichnosti, praktiki: teoreticheskaya model' politicheskogo poryadka* [Institutes, identities, practices: theoretical model of political order]. Moscow: ROSSPEN Publ.
9. Pushkareva G.V. (2012) Politicheskoe prostranstvo: problemy teoreticheskoi kontseptualizatsii [Political space: problems of theoretical conceptualization]. *Politicheskie issledovaniya* [Political studies], 2, pp. 166-176.

10. Semenov A.V. (2010) *Institutsionalizatsiya publichnoi sfery v politicheskom prostranstve regiona. Dokt. Diss.* [The institutionalization of the public sphere in the political space of the region. Doct. Diss.]. Tyumen.
11. Soldatova A.S. (2015) Problemy kommunikatsii uchastnikov sfery politiko-publichnykh otnoshenii regional'nogo prostranstva [Problems of participants' communication in the sphere of political and public relations of the regional space]. *Regionologiya* [Regionology], 1. Available at: <http://regionsar.ru/node/1348> [Accessed 25/12/15]
12. Soldatova A.S. (2014) Steikkholdery vnutriregional'nogo prostranstva v sisteme territorial'nogo upravleniya [Stakeholders of the interregional space in the system of territorial management]. *Politicheskaya sub"ektnost' regional'nykh sotsiumov i elit: dinamika, problemy i perspektivy: sbornik nauchnykh statei po materialam nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Political subjectivity of regional societies and elites: the dynamics, problems and perspectives: proceedings of scientific-practical conference]. Saratov, pp. 152-156.
13. Turovskii P.F. (2009) Regional'nye politicheskie rezhimy v Rossii: k metodologii analiza [Regional political regimes in Russia: to the methodology of analysis]. *Politicheskie issledovaniya* [Political studies], 2, pp. 77-95.
14. Zabolotnaya G.M. (2004) Problema publichnoi sfery v sovremennoi politicheskoi teorii [The problem of the public sphere in contemporary political theory]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tyumen State University], 4, pp. 121-127.
15. Zaitsev A.V. (2014) *Institutsionalizatsiya dialoga gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva: komparativnyi analiz* [The institutionalization of dialogue between the state and civil society: a comparative analysis]. Kostroma: Nekrasov Kostroma State University.